

№ 13.

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Л. ВЕЙСМАЙЕРЪ.

Цена на годъ съ дост. . . . 6 р. — л.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода 3 » 50 »
 На три мѣсяца 2 » — »

Редакція: Малая Подъяеская, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНИЕ: I. Царь Θεодоръ Іоанновичъ. **.—
 II. Гражданинъ-герой. **.—III. Изъ драмы „Козьма
 Мининъ.“ Н. З.—IV. У Пруда. А. Коваленская.—
 V. Неаполь. Н—въ.

ЦАРЬ ТЕОДОРЪ ІОАН- НОВИЧЪ.

Въ 1584 году царь Иванъ Васильевичъ Грозный скончался. Послѣ него осталось два сына: Θεодоръ—отъ первой супруги его Анастасіи, изъ рода Юрьевыхъ-Захарьиныхъ *) — второй — Димитрій отъ послѣдней жены — Маріи, изъ рода Нагихъ.

*) Родъ Юрьевыхъ-Захарьиныхъ принадлежитъ къ знатнѣйшимъ домамъ древней Руси. Онъ ведетъ свое начало отъ литовскаго владѣтельнаго князя

Въ ночь кончины Іоанна Грознаго начальствующіе люди раздѣлились на двѣ партіи. Одни были за Θεодора, другіе за Димитрія. По старшинству слѣдовало вступить на престолъ Θεодору. „Димитрій—младенецъ“ говорили сторонники царевича, но въ немъ видѣнь умъ отца, а Θεодоръ хотя и взрослый, да разумомъ ребенокъ. Это высказалъ прежде всѣхъ бояринъ Богданъ Бѣльскій, которому царь грозный поручилъ надзоръ надъ воспитаніемъ Димитрія; а Нагіе старались расположить народъ въ его пользу.

Сторонники Θεодора, во главѣ которыхъ стоялъ братъ жены его Ирины, Борисъ Θεодоровичъ Годуновъ,—приняли мѣры болѣе рѣшительныя: къ Нагимъ приставлена была стража, опасныхъ удалили изъ столицы, и въ ночь кончины царя всѣ знатные москвитяне присягнули Θεодору.

Нагіе и самъ Бѣльскій поняли, что царевичу опасно оставаться въ Москвѣ и поспѣшили увезти его въ городъ Угличъ, назначенный ему въ удѣлъ отцомъ его.

Θеодоръ, вступивши на престолъ, далъ Годунову титулъ конюшеннаго, ближайшаго боярина, сдѣлалъ намѣстникомъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго и возложилъ на него вмѣстѣ съ членами верховной думы—заботы правленія. Себѣ Θεодоръ оставилъ одно право—миловать да благотворить и продолжалъ вести образъ жизни такой же, какой велъ будучи наслѣдникомъ престола. Большую часть времени онъ оставался въ своей комнатѣ, убранной драгоценными образами, освѣщенной многочисленными лампадами; читалъ духовныя книги, бесѣдовалъ съ иноками, и нерѣдко самъ одѣвался въ монашескую одежду. Каждый день, въ четыре часа утра являлся къ нему духовникъ съ крестомъ и образомъ угодника Божія, означеннаго въ тотъ день въ святцахъ, благословлялъ его и кропилъ святой водою. Помолившись передъ образами съ земными поклонами, царь отпра-

Глянды или Глядала Дивоновича Камбила, прѣхавшаго въ Россію около 1230 года и получившаго въ крещеніи имя Іоанна. Изъ рода Юрьевыхъ-Захарьиныхъ произошелъ нынѣ царствующій въ Россіи домъ Романовыхъ.

влялся къ своей супругѣ и вмѣстѣ съ нею шелъ къ заутрени.

Кромѣ молитвъ, царь налагалъ на себя посты и другіе благочестивыя обѣты.

Мало по малу главная власть въ правленіи государствомъ перешла къ Борису Годунову. Сила его содержалась въ умственномъ превосходствѣ и въ тайномъ страхѣ, который онъ вселялъ каждому своимъ хитрымъ, мстительнымъ характеромъ. Наконецъ Годуновъ сталъ править государствомъ безотвѣтственно. Власть его росла и укрѣплялась, несмотря на то, что онъ былъ не любимъ народомъ, а между боярами имѣлъ много завистниковъ и враговъ, которые не разъ составляли противъ него заговоры. Чтобы избавиться отъ противниковъ, Годуновъ заточалъ ихъ въ темницы, въ монастыри, ссылалъ въ дальнія мѣста.

Чѣмъ больше возвышался Годуновъ, тѣмъ былъ дѣятельнѣе: населялъ пустыни, укрѣплялъ пограничныя мѣста новыми городами; улучшалъ суды; строилъ на счетъ казны гостинныя дворы, городскія стѣны и общественныя зданія, желая тѣмъ привлечь къ себѣ народъ. Въ народъ шли о немъ хорошіе толки, а послы московскіе говорили, что еще не было такого мудраго правленія въ Россіи.

По совѣту Годунова, Теодоръ учредилъ въ Россіи патріаршество. Первымъ патріархомъ былъ сдѣланъ смиренный Іовъ; и былъ прекращенъ переходъ крестьянъ съ одной земли на другую въ Юрьевъ день. Повидимому этимъ Годуновъ желалъ расположить къ себѣ бояръ.

Сановники усердно толпились около правителя, скрывая въ душѣ къ нему ненависть и желаніе отомстить за родныхъ и друзей.

Такимъ образомъ Теодоръ царствовалъ уже шесть лѣтъ. Слабое здоровье не обѣщало ему долгой жизни. Дѣтей у него не было, но въ Угличѣ подрасталъ юный Димитрій, наследникъ престола, принадлежавшій къ партіи противниковъ Годунова.

Дитя-царевичъ воспитывался вдали отъ столицы и отъ

брата, въ мрачномъ дворцѣ Углича, похожемъ на монашескую келью. Когда Димитрію было около девяти лѣтъ стали ходить слухи, что мать и дяди вселяли ему ненависть къ московскому правленію до того, что рѣзвый мальчикъ, играя съ другими дѣтьми, дѣлалъ изъ снѣга человѣческія фигуры, называлъ ихъ именами придворныхъ и рубилъ саблей кому голову, кому руку, кому ногу, и будто говорилъ:

„Вотъ такъ имъ будетъ въ мое царство“.

Въ Москвѣ задумали освободиться отъ опаснаго царевича. Подозрѣніе падало на Годунова.—Убить царевича поручено было Михаилу Битяговскому, исправлявшему при царевичѣ должность дворецкаго.

Въ одно майское утро, мамка царевича, бывшая въ заговорѣ, вывела Димитрія на крыльцо. Одинъ изъ убійцъ взялъ дитя за руку и спросилъ:

— У тебя, государь, новое ожерелье?

— Нѣтъ, старое, отвѣчалъ царевичъ, приподнявъ голову.

Въ ту же минуту сверкнулъ ножъ,—но ударъ былъ невѣренъ. Въ дверяхъ показалась кормилица Димитрія, она вскрикнула—убійца испугался и убѣжалъ. Двое другихъ вырвали царевича изъ рукъ кормилицы, зарѣзали и быстро скрылись. На шумъ прибѣжала мать, при ней ребенокъ только затрепеталъ послѣднимъ трепетомъ. Явились Нагіи, велѣли бить въ набатъ. Гонцы понеслись по улицамъ,—царевичъ убить! говорили они жителямъ. Въ одно мгновеніе страшная вѣсть облетѣла Угличъ. Народъ отыскалъ убійцъ, привлекъ ихъ на мѣсто преступленія, и перебилъ вмѣстѣ съ виновными много невинныхъ. Нагіе, испугавшись послѣдствія убійства безъ суда, написали обо всемъ дѣлѣ царю донесеніе, а тѣло царевича положили въ гробъ и поставили въ соборѣ.

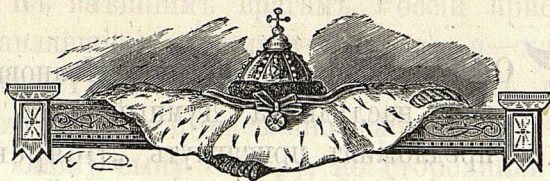
Гонца съ донесеніемъ къ царю не допустили. Грамоту переписали по своему, смерть царевича объяснили падучей болѣзью, которой будто бы онъ былъ подверженъ, и, играя

ножемъ, въ припадкѣ болѣзни самъ себя смертельно ранилъ. Царь долго и горько плакалъ и по предложенію Годунова отъправилъ въ Угличъ слѣдствіе. Слѣдствіе подтвердило исторію болѣзни и кончины царевича.

Чтобы совсѣмъ скрыть концы этого дѣла, Нагихъ разослали по темницамъ, мать Димитрія за недосмотръ постригли въ монахини, около двухъ сотъ угличанъ казнили смертью, большую часть жителей вывели въ Сибирь и населили ими городъ Пелымъ. Неправый судъ никого не обманулъ, и народъ не переставалъ толковать, что царевичъ убитъ Годуновымъ.

Съ этого времени царскій престолъ видимо сталъ цѣлью Годунова.

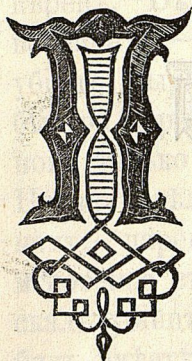
Царь болѣлъ, дряхлѣлъ—приближался къ концу и 7-го января 1598 году окончилъ жизнь, не оставивши наслѣдника. Съ Ѣодоромъ Іоанновичемъ пресѣкся и родъ Рюрика.

ГРАЖДАНИНЪ-ГЕРОЙ.

Какъ полная луна порой,
Покрыта облаками ночи,
Пробьетъ внезапно мракъ густой
И путникамъ заблещетъ въ очи:
Такъ будетъ вождь сквозь мракъ время
Сіять для будущихъ племенъ;
Но подвигъ воина гигантскій
И стыдъ сраженныхъ имъ враговъ
Въ судъ ума, въ судъ вѣковъ.
Ничто предъ доблестью гражданской.

К. Р.

ОСЛѢ себя царь Теодоръ Ивановичъ не оставилъ наслѣдника. Думный дьякъ Шелкановъ предложилъ присягнуть „Боярской Думѣ“; но народъ и слышать не хотѣлъ о правленіи боярскомъ.

Въ столицу съѣхался земскій соборъ избирать государя. Многочисленные сторонники Годунова предложили ему верховную власть! Годуновъ долго отказывался, наконецъ согласился и короновался.

Вступивши на престолъ, Годуновъ сдѣлался до того подозрителенъ, что вездѣ видѣлъ угрожающую опасность. Любимцы, пользуясь этой слабостью, дѣлали ложные доносы, по которымъ Борисъ многихъ знатныхъ бояръ преслѣдовалъ;

въ числѣ ихъ были и сыновья Никиты Романовича. Старшаго изъ нихъ, Ѳеодора, прекраснаго собой, невольно постригъ въ монахи, подъ именемъ Филарета, и сослалъ въ Сійскій Антоніевскій монастырь, а жену его Ксенію постригли подъ именемъ Марѳы и сослали въ одинъ изъ за Онѣжскихъ погостовъ. *) Къ доносамъ и ссылкамъ присоединился голодъ, продолжавшійся три года, и моровая язва, а множество разбойничьихъ шаекъ, составившихся изъ крѣпостныхъ людей и бѣглыхъ крестьянъ недовольныхъ прикрѣпленіемъ къ землѣ, рыскало повсюду. Борисъ старался облегчать народныя бѣдствія: сбавлялъ подати, открывалъ общественныя работы, раздавалъ хлѣбъ и милостыню, преслѣдовалъ воровъ; но ни что не помогало, и народъ не любилъ его. Всѣ эти бѣдствія были только началомъ еще большихъ смутъ.

Въ народѣ стали говорить, что царевичъ Димитрій живъ и скоро потребуетъ отъ Бориса отцовское наслѣдство. Затѣмъ явился и самозванецъ подъ именемъ Димитрія. Самозванца поддерживали поляки и католическое духовенство, оно надѣялось черезъ него подчинить русскую церковь римскому папѣ. Къ внѣшнимъ врагамъ Россіи присоединились казаки, составлявшіе пограничную стражу, и—мятежъ охватилъ почти всю Россію. Лжедимитрій вступилъ въ Московское государство. Борисъ внезапно скончался. Москва присягнула его юному сыну Ѳеодору, но сторонники самозванца возмутили народъ и сынъ Годунова былъ умерщвленъ. На престолъ вступилъ Лжедимитрій. Филаретъ Никитичъ Романовъ съ семействомъ былъ возвращенъ изъ ссылки и сдѣланъ ростовскимъ митрополитомъ. Жена его съ юнымъ сыномъ Михаиломъ поселилась въ костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ, ростовской епархіи,—по близости Костромы находилось и ихъ помѣстье—село Домнино съ деревнями.

*) Носились слухи, что покойный царь Ѳеодоръ, будучи бездѣтенъ, хотѣлъ возвести на престолъ одного изъ двоюродныхъ братьевъ своихъ—дѣтей Никиты Романовича Юрьева-Захарьина, отчего вѣроятно Борисъ особенно былъ подозрителенъ къ нимъ и пользовался случаемъ всякихъ навѣстовъ, чтобы преслѣдовать ихъ.

Самозванецъ царствовалъ только годъ, такъ какъ онъ презиралъ русскіе обычаи и велъ большую дружбу съ поляками, то и возбудилъ общее неудовольствіе. Противъ него составилъ заговоръ; во главѣ заговора стоялъ бояринъ Василій Ивановичъ Шуйскій. 17 мая 1606 года раздался въ Москвѣ набатъ. Заговорщики съ толпами народа бросились въ Кремль. Лжедмитрій былъ убитъ, а Шуйскій провозглашенъ царемъ.

Смуты не прекращались. Шуйскій нерѣшительный, неискусный въ управленіи, возбудилъ общее нерасположеніе. На другомъ году его царствованія распространился слухъ, что Лжедмитрій живъ. Начались волненія, явился новый самозванецъ, онъ двинулся прямо къ Москвѣ и расположился въ 12 верстахъ отъ столицы, въ селѣ Тушинѣ, отъ этого ему дано было названье Тушинскаго вора. Шайка тушинскаго самозванца жгла, грабила московскія области, а города, застигнутые въ расплохъ, переходили на сторону самозванца. Царское войско, посланное противъ поляковъ осаждавшихъ Смоленскъ, было разбито. Тогда толпа народа, бояре и всякаго званія люди собрались на Красной площади, рѣшили просить Шуйскаго оставить престоль, потому что царствованіе его несчастливо, Шуйскій принужденъ былъ согласиться. Онъ переѣхалъ изъ дворца въ свой домъ, а черезъ два дня былъ насильно постриженъ въ монахи—въ Чудовъ монастырь.

Василій былъ послѣдній государь изъ дома Владиміра. Править царствомъ стала боярская дума, и поднялся вопросъ объ избраніи царя, одни держались тушинскаго самозванца; другіе желали польскаго королевича Владислава. Отецъ Владислава Сигизмундъ, давши согласіе на поступленіе сына на московскій престоль, тайно хотѣлъ самъ завладѣть имъ и стоялъ съ войскомъ подъ Смоленскомъ. Боярская дума отправила къ Сигизмунду пословъ для окончательныхъ переговоровъ объ избраніи Владислава. Сигизмундъ пословъ задержалъ и отправилъ плѣнными въ Польшу. Въ числѣ пословъ находился и митрополитъ Филаретъ. Тогда патріархъ Гермогенъ началъ разсылать по городамъ гра-

моты и призывалъ народъ вооружиться на защиту православія. На этотъ призывъ 25 городовъ выслали свои ополченія къ Москвѣ, занятой поляками. Между начальниками русскаго войска начались распри; ополченіе разстроилось; казаки грабили; въ Псковѣ появился новый самозванецъ, Сигизмундъ взялъ Смоленскъ; Новгородъ—шведы.

Тогда русскій народъ понялъ, что для спасенія отечества необходимо—единодушіе. Духовенство и важнѣйшіе монастыри сильно поддерживали земство. Архимандритъ Троицкой лавры Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ старались укрѣпить упавшій духъ народа и неумоимо разсылали увѣщательныя грамоты, которыми призывали ратныхъ людей на защиту православной вѣры и отечества. Одна изъ такихъ грамотъ достигла Нижняго Новгорода.

1611 года въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Нижнемъ Новгородѣ раздался и прогремѣлъ потомъ по всей землѣ Русской первый общій кликъ—„умремъ за вѣру православную и святую Русь!“

„*) Занималась утренняя заря этого незабвеннаго дня, темно-голубыя небеса становились часъ отъ часу прозрачнѣе и бѣлѣе, величественная Волга подернулась туманомъ, востокъ запылалъ, осыпавъ искрами позлащенные главы соборныхъ храмовъ. Взошло солнце; но тишина и молчаніе царствовали еще повсюду. Вдругъ прозвучалъ на соборной колокольнѣ первый ударъ колокола, за нимъ другой—вотъ третій... все чаще, все сильнѣе... призывный гулъ промчался по всей окрестности и—все ожило въ Нижнемъ Новгородѣ.

Какъ бурное море шумѣлъ и волновался народъ на городской площади, бояре и простолюдины, именитые граждане и люди ратные—все тѣснились вокругъ Лобнаго мѣста; на всѣхъ лицахъ изображалось нетерпѣливое ожиданіе. Вдругъ народъ зашумѣлъ болѣе прежняго, раздались громкія восклицанія: „Вотъ Козьма Мининъ! Глядите, вонъ онъ!“ и человекъ среднихъ лѣтъ, весьма просто одѣтый, но осани-

*) См. романъ „Юрій Милославскій“, М. Н. Загоскина.

стый и видный собою, взошелъ на Лобное мѣсто. Оборотясь къ соборнымъ храмамъ, онъ трижды сотворилъ крестное знаменіе, поклонился на всѣ четыре стороны и, по мановенію руки его, утихло все вокругъ Лобнаго мѣста; мало-помалу молчаніе стало распространяться по всей площади, шумъ отдалялся, глухой говоръ безчисленнаго народа становился все тише... тише... и чрезъ нѣсколько минутъ лишенный зрѣнія могъ бы подумать, что городская площадь совершенно опустѣла.

— Граждане Нижегородскіе! началъ такъ бессмертный Мининъ. Кто изъ васъ не вѣдаетъ всѣхъ бѣдствій царства Русскаго? Мы всѣ видимъ его гибель и раззореніе, а помощи и очищенія ни откуда не чаемъ. Доколѣ злодѣямъ и супостатамъ напоятъ землю Русскую кровію нашихъ братьевъ? Доколѣ православнымъ стонать подъ позорнымъ ярмомъ иновѣрцевъ? Отвѣтствуйте, граждане Нижегородскіе! Потершимъ ли мы, чтобъ царствующій градъ повиновался воеводѣ иноплеменному? Предадимъ ли на поруганіе пречистый образъ Владимірскаго Божія Матери и честныя, многоцѣлебныя мощи Петра, Алексія, Іоны и всѣхъ Московскихъ чудотворцевъ? Покинемъ ли въ рукахъ иновѣрцевъ сиротствующую Москву?... Отвѣтствуйте, граждане Нижегородскіе!

— Нѣтъ, нѣтъ! загремѣли тысячи голосовъ. Идемъ къ Москвѣ! Не выдадимъ свягую Русь!...

— Итакъ, во имя Божіе, къ Москвѣ!... Но чтобъ не безплодно положить намъ головы и смертію нашей искупить отечество, мы должны избрать достойнаго воеводу. Я былъ въ Пурецкой волости у князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго; едва излечившійся отъ глубокихъ язвъ, сей неустрашимый военачальникъ готовъ снова обнажить мечъ и грянуть Божіею грозой на супостата. Граждане Нижегородскіе! хотите ли имѣть его главою? любъ ли вамъ стольникъ и знаменитый воевода, князь Димитрій Михайловичъ Пожарской?

— Хотимъ! хотимъ! онъ любъ намъ! воскликнулъ народъ, волнуясь часъ отъ часу болѣе.

— Граждане и братіи! продолжалъ Мининъ. Неужели, умирая за вѣру христіанскую и желая стяжать нетлѣнное достояніе въ небесахъ, мы пожалѣемъ достоянія земнаго? Нѣтъ, православные! Для содержанія людей ратныхъ отдадимъ все золото и серебро; а если мало и сего, продадимъ всѣ имущества, заложимъ женъ и дѣтей нашихъ... Вотъ все, что я имѣю! продолжалъ онъ, бросивъ на Лобное мѣсто большой мѣшокъ, наполненный серебряной монетою; и пусть выступить желающій купить мой домъ—съ сего часа онъ принадлежитъ не мнѣ, а Нижнему Новгороду, а я самъ, мы всѣ, вся кровь наша—земскому дѣлу и всей землѣ Русской!

— Отдаемъ всѣ наши имущества! Умремъ за вѣру православную и святую Русь! загремѣли безчисленные голоса. Нарекаемъ тебя выборнымъ отъ всея земли человѣкомъ! Храни казну Нижегородскую! воскликнулъ весь народъ. Въ эту минуту общаго восторга разверзлись западныя двери соборнаго храма Преображенія Господня, и Печерскій Архимандритъ Ѳеодосій, въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства, во всемъ облаченіи, со святыми иконами и церковными хоругвями, вышелъ на городскую площадь. Народъ разступился, весь духовный синклитъ взошелъ на Лобное мѣсто. Раздался громкій благовѣстъ. Іереи запѣли соборомъ: „Царю небесный! Утѣшителю, Душе истинный!“ и Мининъ, а вслѣдъ за нимъ всѣ граждане преклонили колѣна. Когдажъ, благословляя оружіе Христолюбиваго войска, благочестивый архимандритъ Ѳеодосій, возведя къ небесамъ взоръ, исполненный чистѣйшей вѣры, возгласилъ молитву: „Господи Боже нашъ, Боже силь! Сильный въ крѣпости и крѣпкій во бранѣхъ...“ народъ палъ ницъ, зарыдалъ и всѣ мольбы слились въ одну общую, единственную молитву: „да спасетъ Господь царство Русское!“ По окончаніи молебствія, Ѳеодосій, осѣнивъ животворящимъ

крестомъ и окропивъ святой водою усердно молящійся народъ, произнесъ вдохновеннымъ голосомъ: „Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы, и покоряйтесь, яко съ нами Богъ! Спѣшите, избранные Господомъ, на спасеніе страждущей Россіи! Какъ огонь палящій, предъидетъ сила Господня предъ вами и посрамится врагъ нечестивый и возрадуются сердца православныхъ! Воины Христовы! не жалѣйте благъ земныхъ: слава нетлѣнная ожидаетъ васъ на землѣ и вѣчное блаженство на небесахъ. Грядите, вѣрные сыны Россіи! грядите во имя Господне! На васъ благословеніе всѣхъ пастырей духовныхъ! За васъ святыя молитвы страдальца Гермогена! Кто противъ васъ? Кто противъ Господа силъ?“

О, какъ недостаточенъ, какъ безсиленъ языкъ человѣческій для выраженія высокихъ чувствъ души, пробудившейся отъ своего земнаго усыпленія! Сколько жизней можно отдать за одно мгновеніе небеснаго, чистаго восторга, который наполнялъ въ эту торжественную минуту сердца всѣхъ русскихъ! Нѣтъ, любовь къ отечеству не земное чувство! Оно слабый, но вѣрный отголосокъ непреодолимой любви къ тому безвѣстному отечеству, о которомъ, не постигая сами тоски своей, мы скорбимъ и тоскуемъ почти со дня рожденія нашего!

Всѣ спѣшили по домамъ, чтобъ сносить свои имущества на площадь, и не прошло получаса, какъ вокругъ Лобнаго мѣста вызвышались горы серебряныхъ денегъ, сосудовъ и различныхъ товаровъ: простой холстъ лежалъ подлѣ куска дорогой парчи, мѣшокъ мѣдной монеты—подлѣ кошелька, наполненнаго золотыми деньгами. Гражданинъ Мининъ принималъ все съ равной ласкою, благодарилъ всѣхъ именемъ Нижняго Новгорода и всей земли Русской, и хотя нѣсколько сотъ рабочихъ людей переносили безпрестанно эти дары въ приготовленныя для сего кладовыя на берегу Волги, но число ихъ, казалось, ни мало не уменьшалось.“

ИЗЪ ДРАМЫ—„КОЗЬМА ЗАХАРОВИЧЪ МИНИНЪ.“*)

Д СНѢ и яснѣ стали доходить тяжелыя вѣсти до ближайшихъ городовъ и пригородовъ о смутахъ въ Москвѣ; но никогда онѣ не томили такъ русскаго человѣка, какъ въ 1611 году. Неустройство на Руси тяжело ложилось на всякаго русскаго. Нижній Новгородъ—какъ ближайшій городъ къ Москвѣ—сильнѣе чувствовалъ общую скорбь. Забзжіе люди везли, несли одно недоброе, отъ нихъ только и слышалось, что новый и новый соискатель тянется овладѣть Москвой, а съ ней и всей Русью. Много наслышался объ этомъ, сидя у своего торговаго прилавка на площади, Нижегородскій мясникъ Козьма Захаровичъ Мининъ и затосковала его русская душа—

*) Монологъ этотъ взятъ изъ драматической хроники—„Мининъ“—дѣйствіе II, явленіе III—нашего талантливаго драматурга Александра Николаевича Островскаго. А. Н. современный писатель родился 30-го марта 1824 года въ Москвѣ, выступилъ на литературное поприще въ 1847 году. Драма въ пяти дѣйствіяхъ—„Козьма Захаровичъ Мининъ-Сухорукъ“ появилась въ свѣтъ въ 1862 году.

отсталъ онъ отъ хлѣба, немила ему стала его торговля, нерадостна и добрая семья... Забудется онъ въ темную или свѣтлую ночь дремотой—мерещется ему:—собираются черныя-пречерныя тучи надъ сумрачной Москвой и со всѣхъ сторонъ, какъ саранча, налетаютъ на нее ляхи, рушатъ вѣру православную, лаской и хитростью закрѣпощаютъ русскаго человѣка въ свои холопы, — холодный потъ выступаетъ на его открытомъ лицѣ, на крупныхъ губахъ свѣтится грустная улыбка. Открылъ глаза — видѣніе пропало, дрожь въ тѣлѣ, въ сердцѣ тоска; осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ—„Господи помилуй“!... Поднялся... Всѣ въ домѣ спать... Поздній вечеръ; сонъ бѣжитъ отъ него... Подошелъ къ окну; луна льетъ свой свѣтъ, разгоняя мракъ ночи; широкая Волга дремотно стихла, по ней свѣтлыми точками мигаютъ огоньки, они какъ будто сторожатъ покой родной рѣки. Задумчиво смотреть рослый Козьма Захаровичъ на кормилицу-Волгу, опершись о косякъ широкимъ плечемъ, и шепчетъ:

Вонъ огоньки зажглись по берегамъ,
Бурлаки, трудъ тяжелый забывая,
Убогую себѣ готовятъ пищу.
Вонъ пѣсню затанули. Нѣтъ, не радость
Сложила эту пѣсню, а неволя,
Неволя тяжкая и трудъ безмѣрный,
Разгромъ войны, пожары деревень,
Житѣ безъ кровли, ночи безъ ночлега.
О, пойте!... громче пойте!... Соберите
Всѣ слезы съ матушки широкой Руси,
Новгородскія, псковскія слезы,
Съ Оки и съ Клязьмы, съ Дона и съ Москвы,
Отъ Волхова и до широкой Камы.
Пусть всѣ они въ одну сольются пѣсню,
И рвутъ мнѣ сердце, душу жгутъ огнемъ,
И слабый духъ на подвигъ утверждаютъ.

Глубокій вздохъ вырвался изъ широкой груди Минина; въ глазахъ засвѣтилось что-то рѣшительное, непреклонное;

мысль за мыслью трепетно озаряло его и въ живомъ горячемъ словѣ вылилось наружу все освѣтившее мощный духъ.

О, Господи! благослови меня!

Я чувствую невѣдомыя силы:

Готовъ одинъ поднять всю Русь на плечи,

Готовъ орломъ летѣть на супостата,

Забрать подъ крылья угнетенныхъ братій—

И грудью въ бой кровавый и послѣдній.

Часъ близокъ!... Смерть злодѣямъ!... Трепещите!...

Изъ дальнаго Кремля грозить вамъ Мининъ.

И вдругъ онъ стихъ и погрузился въ думу; прошла минута и опять послышался его шопотъ:

А если Богъ отступитъ отъ меня

И за гордыню покарать захочетъ,

Успѣха гордымъ замысламъ не дастъ,

Чтобъ я не мнилъ, что я его избранникъ—

Тогда я къ вамъ приду, бурлаки-братья,

И съ вами запою по Волгѣ пѣсню—

Печальную и длинную затянемъ.

И зашумятъ ракиковы кусты.

По берегамъ песчанымъ нагибаясь!

И позабудетъ бросить сѣть рыбакъ

И въ тихомъ плесѣ на челнѣ заплачетъ;

И дѣва съ ведрами на коромыслѣ,

Идя домой извилистой тропинкой,

Оглянется съ горы и станетъ слушать,

И, рукавами слезы утирая,

Широкіе измочить рукава;

Бурлаки запоютъ подъ лямкой

И балахонцы, за своей работой

Надъ новою расшивой съ топорами.

И пронесется пѣсня, и прольется

Изъ вѣка въ вѣкъ, пока стоитъ земля.

О, Господи, грѣшу я: малъ я духомъ—

Смѣлъ усумниться въ благости Твоей!

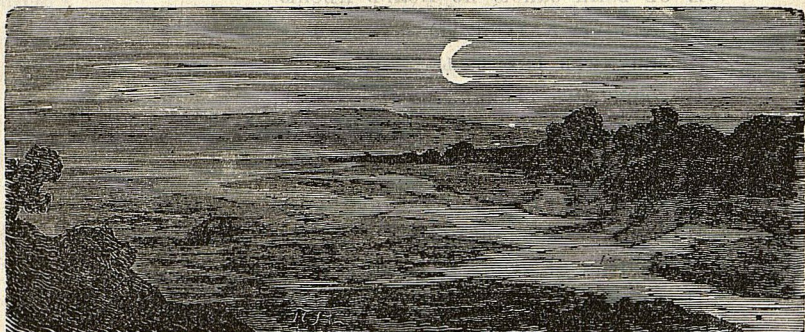
Нѣтъ, прочь сомнѣнья!... Перстъ Твой вижу ясно!

Со всѣхъ сторонъ мнѣ шепчуть голоса:

„Возстанъ за Русь—на то есть воля Божья“!

Послѣднія слова были сказаны громко, рѣшительно; глаза Козьмы Захаровича искрились; онъ весь обыкновенно спокойный какъ будто преобразился во что-то несокрушимое, могучее, какъ могуча его родина—Русь. Тихая луна покрыла матовымъ свѣтомъ его строгое въ эту минуту лицо—всеобщее затишье, какъ затишье предъ сокрушительной бурей, будто массивной рамой окружало величавую въ своей простотѣ фигуру героя-гражданина, которому дано было побороть смуту въ родной землѣ...

N. Z.

У ПРУДА.

Посвящается Александрѣ Михайловичѣ Марконетъ.

(ОКОНЧАНИЕ).

Н-МОГУ же я, не могу жить подь лаптемъ? закричала она отчаяннымъ голосомъ, и такъ свирѣпо, что сосѣдки поскакали со страха въ воду.

— Ахъ, зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ мы не можемъ двигаться, воскликнула незабудка, не ужели никто не освободить ее отъ этого страшнаго лаптя, подь нимъ должно быть темно, свѣту Божьяго не видно, ахъ еслибъ мы могли двинуться съ мѣста, но нѣтъ мы не можемъ, на что мы въ самомъ дѣлѣ годны.

— Ни на что вы не годны, глупыя созданья, вотъ и смотрите на ваше небо, заквакала затворница, но въ эту минуту вблизи зашевелилась земля и что-то завозилось. — Кто тамъ, кто тамъ? Карауль, заквакала заключенная.

— Ну что тебѣ еще? Это я, кротъ, умный, старый кротъ, рою себѣ новое жилище, потому что тутъ мягко! угрюмо отвѣтилъ кротъ.

— Выпусти, братецъ, это я здѣсь, подкопай подо мной землю, голубчикъ, будь отецъ родной! какъ можно мягче забасила затворница.

— Очень мнѣ надобно, я строю свой собственный домъ и въ чужія дѣла не мѣшаюсь, это у меня правило, сказалъ кротъ.

— Да вѣдь все равно тебѣ прорыть немножко, ну хоть крошечку въ мою сторону.

— Слуга покорный, у меня крыша обвалится, и тогда снова начинай-ка все сначала, нѣтъ ужъ извини, голубушка.

— Да вѣдь я задохнусь, не могу же я въ самомъ дѣлѣ жить подъ лаптемъ, я задохнусь, вѣдь онъ меня давитъ.

— А мнѣ что за дѣло, у меня тутъ кладовая, складъ для съѣстныхъ припасовъ, а лапотъ-то еще и лучше, онъ будетъ вмѣсто крыши, по крайней мѣрѣ вода не пройдетъ, провизію не испортить.

— Да вѣдь чудакъ же ты, я задыхаюсь, говорятъ тебѣ!

— Всякій долженъ приспособиться ко всему, сама же ты кричала, а мнѣ разговаривать некогда, я и то рукавицы свои красныя разодралъ, издыхай коли попалась! И кротъ медленно сталъ рыться въ другую сторону. Сѣрая выбранилась такъ что просто ужась и завозилась сильнѣе прежняго.

— На что эти незабудки, да ландыши, да лютики годятся, ни на что плаксы сентиментальныя не годятся! воевала она между тѣмъ въ безпомощномъ гнѣвѣ.

— Ни на что, ни на что, мы теперь видимъ что ни на что, подтвердили незабудки, отходя ко сну.

Ночь настала тихая лунная, вся старенькая церковь съ бѣлыми стѣнами казалась облитой зеленоватымъ свѣтомъ, деревянные кресты бросали поперегъ могилъ длинныя черныя тѣни, которыя, казалось, лежа на землѣ съ распростертыми объятіями, цѣловали самую насыпь, подъ которой мирно спало отжившее поколѣніе.

Тамъ на верху, надъ самымъ куполомъ, сверкалъ голубоватыми огоньками большой золотой крестъ, и, прижавшись къ нему, свернутые въ комокъ, спали голуби. Въ тихой, прозрачной водѣ качались отраженія звѣздъ, и сонный ночной вѣтеръ, едва дыша, затрогивалъ висячія косы склонившейся

ивы. Гдѣ-то далеко, далеко, лѣниво посвистываль соловей, съ противоположной стороны рощи ему вторилъ другой. Травки, молча наклонясь, спали непробуднымъ сномъ, а тамъ, на томъ концѣ пруда, тихо укачиваемыя набѣгавшей волной, дремали бѣлыя водяныя лиліи.

Мирная красота спускалась съ самой выси и съ кроткой улыбкой взирала изъ бездонной глубины далекихъ небесъ на весь успокоившійся міръ.

Въ такія ночи, ангелы слетаютъ съ небесъ и укрываютъ своими бѣлоснѣжными крыльями разметавшихся въ постеляхъ дѣтей.

Но вотъ проглянула зѣря, окрестность озарилась розовымъ блескомъ. Послышались звуки, въ лѣсу защебетали птицы, въ водѣ заплескались рыбки, вѣтеръ дунулъ по кустамъ и лѣсамъ, благовонная струя пронеслась въ воздухѣ, въ дальномъ лѣсу закуковала кукушка, проснулись всѣ, и по деревнѣ заходили люди. По праздничному одѣтый съ расчесанной бородой крестьянинъ подошелъ къ церкви и перекрестившись отворилъ желѣзную дверь. Народъ толпами подходилъ къ ней, всякій клалъ земной поклонъ и потомъ втыкалъ около церковной паперти молоденькую, только что срубленную березку. Деревенскій народъ снованъ туда и сюда, ребятишки въ нарядныхъ красныхъ одеждахъ бѣгали по лугу, и, нарвавъ пучки цвѣтушей травы, цѣлыми охабками проносили ее въ отворенную дверь церкви. Наконецъ, на плотинѣ показался, бѣлый какъ лунь, дряхлый старикъ священникъ въ новой рясѣ, съ золотымъ крестомъ на груди, онъ опирался на посохъ и едва передвигалъ слабыя ноги, но на блѣдномъ старческомъ лицѣ его было какое-то счастливое праздничное выраженіе. Онъ съ трудомъ взобрался на каменные ступеньки церкви, мѣстами поросшія травой, изъ которой при этомъ такъ и выскакивали лягушки. Изъ церкви выбѣжалъ къ нему на встрѣчу тотъ самый мальчуганъ, который бросилъ вчера лапотъ. Теперь онъ былъ одѣтъ по

праздничному: въ красной рубашкѣ, и ноги его обуты въ смазные сапоги.

— Уберите лягушекъ-то, нехорошо, въ церковь напрыгають, замѣтилъ старичокъ.

— Я ужъ гонялъ, ничего не подѣлаешь, надо одну хоть для примѣра повѣсить, сказалъ мальчуганъ, и сбѣжалъ съ ступеней. Лягушки мигомъ разсыпались и зашлепали въ воду.—Погодите-ка, я васъ! сказалъ мальчикъ, и, замѣтивъ свой лапотъ, который все еще лежалъ на дорогѣ, онъ поднялъ его, какъ вдругъ въ его руку вцѣпилась наша старая знакомая, обезумѣвшая отъ злости.

— А попалась! закричалъ мальчикъ, и, отцѣпивъ ее отъ пальца, взялъ за ногу, привязалъ на веревочку и повѣсилъ на сучекъ стоявшей у окна церкви березки.

— Повисишь въ прохладѣ, забудешь кусаться! разсмѣялся онъ и убѣжалъ прочь.

— Каждый долженъ умѣть приспособиться къ своему положенію! заквакали въ прудѣ цѣлымъ хоромъ, проворно убираясь въ самую глубь тины.

— Ну это наконецъ просто невыносимо! часъ отъ часу не легче, то подъ лапотъ, то за ногу на дерево! воскликнула сѣрая, дрыгая ногой,—но дѣлать нечего, веревка была затянута узломъ, и пришлось качаться между небомъ и землей.

— Отъ роду не смострѣла я на это бессмысленное небо, а вотъ пришлось, и смотрю, вѣдь смотрю! Такъ не хочу же, не стану и не стану! Она взглянула на землю, и громко захотала: старикъ священникъ, наклонясь къ землѣ, дрожащей рукой обрывалъ прелестные синіе глазки незабудокъ и собиралъ ихъ въ пучечекъ.

— Эти годятся въ вѣнецъ младенцу Спасителю, Онъ такихъ любить! проговорилъ онъ.

— Дождались плаксы! закричала утѣшенная сѣрая. Но незабудки въ оцѣпенѣніи молчали. Ахъ, мы совсѣмъ никуда не годились, вздохнули онѣ, затѣмъ почувствовали какой-то непреодолимый сонъ. Священникъ всталъ, встрях-

нулся и пошелъ въ церковь. Въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ раскатился серебристый звонъ колокола, въ сосѣдней рошѣ отвѣчало эхо, вотъ другой, третій ударъ, вся окрестность загудѣла праздничными звуками, и народъ, пропустивъ священника, толпой повалилъ въ церковь. У всѣхъ въ рукахъ были пучечки полевыхъ цвѣтовъ, это былъ Троицынъ день.

Освѣщенная солнцемъ церковь была вся украшена цвѣтами и березовыми вѣтками; черезъ отворенныя окна слышалось щебетаніе птицъ, а въ разбитое стекло купола влетѣла ласточка и громко защебетала весеннюю пѣснь, ладонъ сизымъ столбомъ клубился къ окнамъ, смѣшиваясь съ запахомъ черемухи. На ризахъ образовъ играло солнце, и въ отворенныхъ царскихъ вратахъ стоялъ въ серебряной ризѣ священникъ, его длинная, бѣлая борода и волосы сливались съ серебромъ одежды. Народъ усердно молился, глядя на изукрашенный цвѣтами иконостасъ. Все имѣло праздничный, ликующій видъ. На клиросѣ запѣли звонкіе дѣтскіе голоса, при звукѣ которыхъ незабудки вздрогнули и очнулись.

— Мы никуда, никуда не годились... пролепетали онѣ, и какъ виноватыя, глянувъ кругомъ своими дѣтскими удивленными глазками, вдругъ затрепетали. Онѣ увидѣли себя во всей славѣ, увѣнчивающими младенца Спасителя. Взоры всей молящейся толпы съ любовью обращались къ Нему, а старый священникъ кадилъ передъ ними, благоговѣйно склонивъ сѣдую голову. Вотъ и знакомый ландышъ, прижавшись къ груди Богоматери, посылаетъ Ей свое чистѣйшее благоуханіе, далѣе желтенькій лютикъ, склонивъ головку, прильнулъ къ подножію креста. Здѣсь и кукушкины слѣзки, и всѣ, всѣ вмѣстѣ перешли незамѣтно въ тотъ новый, свѣтлый міръ, о которомъ залетная ласточка, свергаясь съ небесъ, приносила пѣвучее извѣстіе!

— Тра-та-та! тра-та-та! Опоздала, ужъ отзвонили, вдругъ застрекотала какъ ошалѣлая растрепанная сорока, съ трескомъ усаживаясь на березку у церковнаго окна.—Шлѣпъ!

раздалось подъ березкой, и большая сѣрая забарахталась на землѣ, волоча за собой сломанную вѣтку, къ которой все еще была привязана за ногу.

— Батюшки! да это должно быть вѣнчался знатный иностранецъ съ сентиментальной незабудкой, а у ней только и добра, что линючій голубой цвѣтъ, дура набитая! Вотъ романъ, вотъ исторія! А лягушка-то ужъ виситъ! Ну исторія!.. и сорока какъ изъ лука стрѣла понеслась далѣе. Съ березы на березу разносилось извѣстіе, всѣ сороки всполошились. Иностранецъ царской крови, весь въ соболяхъ и бархатѣ, женился на простой незабудкѣ, а самый толстый лягушачій кавалеръ повѣсилъ на отчаянья! Ужась, ужась, я разстроена! ужъ на что деревенскій мальчишка жестокое созданіе, и тотъ плакалъ на взрыдъ, сама видѣла! сама видѣла!

— Выдумывай еще! заворчалъ кротъ подъ землей, но его никто не слышалъ за крикомъ всѣхъ собравшихся сорокъ.

А. Коваленская.

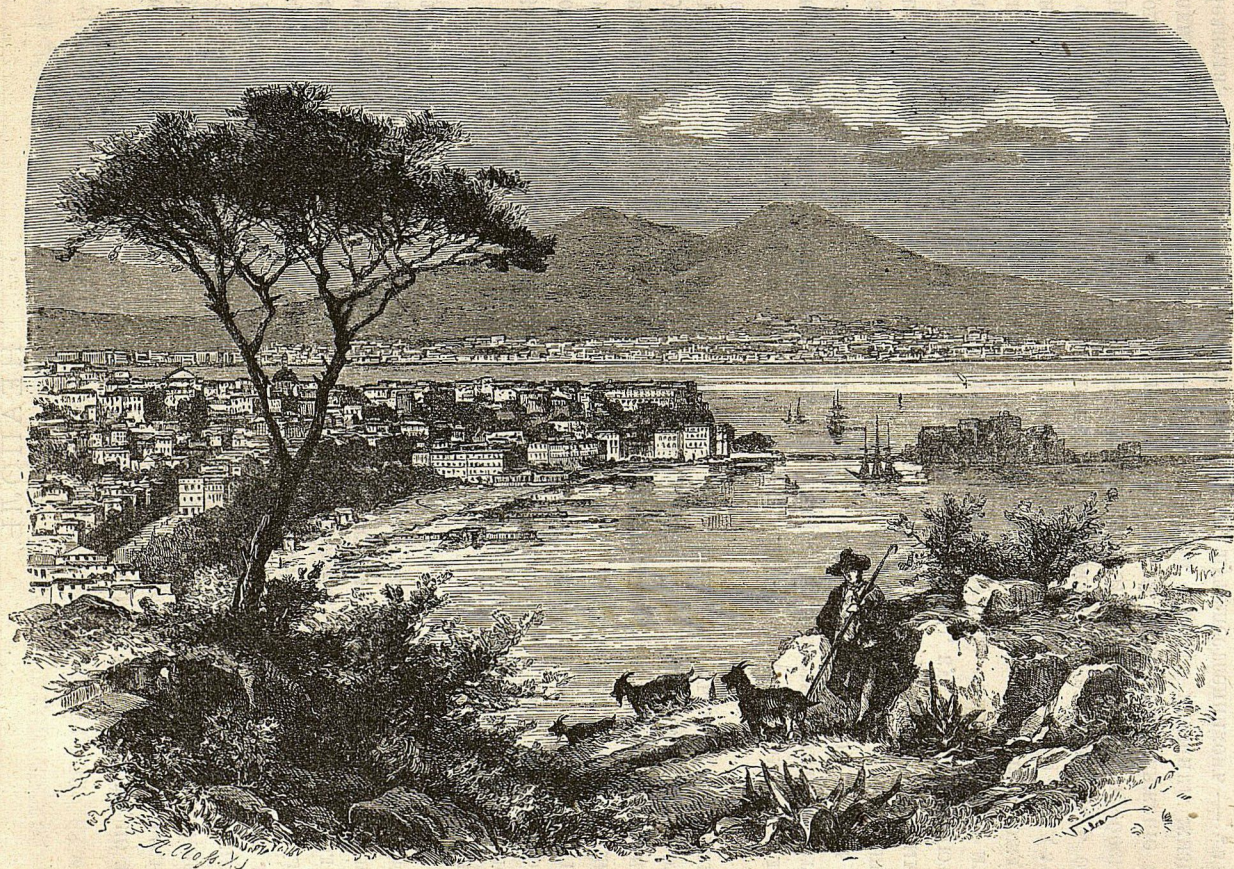
Р. S. Въ концѣ статьи № 12 „Игрушечка“—„У пруда“, стр. 394, строка 9-я снизу, вкралась нѣкоторая двусмысленность во фразѣ—„лягушка старалась выскочить изъ-подъ давившей ее бересты“, когда изъ начала фразы видно, что мальчикъ набросилъ на нее лапоть. Извѣстно, что десятки милліоновъ крестьянъ средней полосы Россіи носятъ обувь—лапти, которые плетутъ изъ тонкаго лыка липы, кора же березы—береста не употребляется на обувь, а идетъ на иныя кустарныя производства. Мы слышимъ, что не точный оборотъ этого мѣста въ статьѣ почтеннаго автора вводитъ нашихъ читателей въ неясное пониманіе фразы, а потому и спѣшимъ оговориться. Ред.

НЕАПОЛЬ.

Лимонныя и померанцовыя рощи, гирлянды розъ и жасминовъ по заборамъ, лазурь неба, синева залива, ароматный воздухъ—это Неаполь. Зданія съ балконами—тысячи балконовъ. Розовое море съ голубой каймою горъ вдали — онѣ загораются одна за другой вдоль поморья подъ прозрачнымъ туманомъ — это утро Неаполя. Несутся лодки рыбаковъ на промыселъ въ открытое море, скользятъ тысячи барокъ, рябятъ въ глаза отъ лѣса мачтъ, грохотъ экипажей, говоръ, крикъ, пѣсни, толпа ребятъ у оконъ, оборванныхъ, грязныхъ, съ цѣлымъ войлокомъ нечесанныхъ волосъ, — они декламируютъ, распѣваютъ новыя аріи съ жестами, визгомъ — „тики-такъ... тики-такъ... чи... чи... эччеленца, дай на макарони! всѣ ѣдятъ макарони! Чи... чи... эччеленца!“ — это день Неаполя. Луна стоитъ надъ дымящимся Везувіемъ и льетъ магическій свѣтъ на горы, море и городъ, на горизонтъ высится двухъ-ярусная скала Капри, серебрятся горы Соренто, тихо блеситъ Везувій, — но вотъ вылетѣла изъ жерла его огненная звѣзда, сверкнула, освѣтила пламенемъ дремлющую мѣстность и потухла, — это ночь Неаполя. Везувій, какъ злой духъ, сторожить эту прекрасную благоуханную мѣстность, гдѣ жизнь бьетъ горячимъ ключемъ повсюду.

Окрестности Неаполя великолѣпны; но бѣлые городскіе дома съ плоскими крышами не особенно ласкаютъ взоры путешественника. Мостовая изъ плитъ лавы Везувія, улицы узки, ихъ метутъ рѣдко, — тутъ и тамъ мелькаютъ кофейни, лавки, магазины, — ремесленники, работающіе сидя вдоль тротуаровъ, продавцы съ устрицами, макаронами, любимымъ кушаньемъ неаполитанцевъ, — тутъ жарятъ каштаны, кукурузу, продаютъ замороженную воду, арбузы и другіе южныя фрукты, тамъ столики мѣняль, писцевъ, которымъ диктуютъ письма, просьбы—пестрота одеждъ, лицъ, житейскихъ сценъ — и повсюду безпечные оттрепанные ладзарони — дѣти Неаполя, бродящіе десять мѣсяцевъ въ году подъ открытымъ небомъ на мостовой — рванья лохмотья, голыя руки, босыя ноги, смуглое лицо, выразительный блескъ глазъ и вѣчное движеніе за какимъ нибудь иностранцемъ, — вотъ внѣшній видъ и внѣшняя жизнь Неаполя, о которомъ сложилась поговорка путешественниковъ — „видѣть Неаполь и умереть“, — потому что лучше по картинности природы ничего не встрѣтишь на землѣ...

Н—вѣ.

НЕАПОЛЬ.

Редакторъ-издательница Т. ПАСЕЕВЪ.

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 марта 1881 г.

Типографъ А. С. Суворина. 9ргелевъ пер., д. № 11—2.